

*Древние бродячие инстинкты
Перетирают цепь привычки и веков,
И, просыпаясь от глубокой спячки,
Вновь дикий зверь выходит из оков.*

Бэк не читал газет и потому не знал, что надвигается беда — и не на него одного, а на всех собак с сильными мышцами и длинной, теплой шерстью, сколько их ни было от залива Пюджет до Сан-Диего. И все оттого, что люди, ощупью пробираясь сквозь полярный мрак, нашли желтый металл, а пароходные и транспортные компании растребурили повсюду об этой находке, — и тысячи людей ринулись на Север. Этим людям нужны были собаки крупной породы, сильные, годные для тяжелой работы, с густой и длинной шерстью, которая защитит их от морозов.

Бэк жил в большом доме, в солнечной долине Санта-Клара. Место это люди называли «усадебой судьи Миллера». Дом стоял в стороне от дороги, полускрытый за деревьями, и сквозь ветви виднелась только веранда, просторная и тенистая, окружавшая дом со всех сторон. К дому вели посыпанные гравием дорожки, они вились по широким лужайкам под стройными тополями, ветви которых сплетались между собой. Территория за домом была еще обширнее. Здесь находились большие конюшни, где хлопотала добрая дюжина конюхов и их подручных, тянулись ряды увитых диким виноградом домиков для прислуги и строго распланированная сеть всяких надворных построек, а за ними зеленели виноградники, пастбища, плодовые сады и ягодники. Была тут и насосная установка для артезианского колодца, и большой цементный

плавательный бассейн, где сыновья судьи купались каждое утро, а в жаркую погоду и днем.

И все это обширное поместье было царством Бэка. Здесь он родился, здесь прожил все четыре года своей жизни. Конечно, были тут и другие собаки. В таком большом поместье их не могло не быть, но они в счет не шли. Они появлялись и исчезали, жили в тесных конурах или влачили незаметное существование где-то в глубине дома, вот как Тутс, японский мопсик, или Изабель, мексиканская собачка совсем без шерсти, нелепые существа, которые редко высовывали нос на вольный воздух и появлялись в саду или во дворе. Кроме того, была в усадьбе целая компания фокстерьеров — десятка два, не меньше, — и они грозно лаяли на Тутса и Изабель, когда те смотрели на них из окон, находясь под защитой армии служанок, вооруженных половыми щетками и швабрами.

Но Бэк не был ни комнатной собачкой, ни дворовым псом. Вся усадьба была в его распоряжении. Он плавал в бассейне и ходил на охоту с сыновьями судьи. Он сопровождал его дочерей, Молли и Алису, когда они в сумерки или ранним утром отправлялись на прогулку. В зимние вечера он лежал у ног судьи перед пылающим камином в библиотеке. Он катал на спине внучат судьи или кувыркался с ними в траве и оберегал их во время смелых и чреватых опасностями вылазок до самого фонтана на заднем дворе и даже еще дальше, туда, где начинался выгон и ягодники. Мимо фокстерьеров он шествовал с высокомерным видом, а Тутса и Изабель попросту не замечал, ибо он был королем, властителем над всем, что ползало, бродило и летало в поместье судьи Миллера, включая и его двуногих обитателей.

Отец Бэка, Элмо, огромный сенбернар, был когда-то неразлучным спутником судьи, и Бэк обещал стать достойным преемником отца. Он был не такой громадиной, как тот, весил только сто сорок фунтов, так как мать его,

Шеп, была шотландская овчарка. Но и сто сорок фунтов веса, если к ним еще прибавить то чувство собственного достоинства, которое рождается от хорошей жизни и всеобщего уважения, дают право держать себя по-королевски. Четыре года — с самого раннего щенячьего возраста — Бэк вел жизнь пресыщенного аристократа, был преисполнен гордости и даже несколько эгоцентричен, как это иногда бывает со знатными господами, живущими в своих поместьях уединенно, вдали от света. Но Бэка спасало то, что он не стал избалованной комнатной собакой. Охота и тому подобные развлечения на свежем воздухе не давали ему разжиреть, укрепляли мускулы. А купание в холодной воде закаляло его и сохраняло здоровье.

Так жил пес Бэк до той осени 1897 года, когда открытие золота в Клондайке привлекло на холодный Север людей со всех концов света. Бэк ничего об этом не знал, ибо не читал газет. Не знал он также, что дружба с Мануэлем, одним из подручных садовника, не сулит ему ничего доброго. За Мануэлем водился большой порок: страсть к китайской лотерее. К тому же у этого азартного игрока была одна непобедимая слабость — он верил в свою систему, и потому было совершенно ясно, что он погубит свою душу. Чтобы играть по системе, нужны деньги, а жалованья младшего садовника едва хватало на нужды его жены и многочисленного потомства.

В памятный день предательства Мануэля судья Миллер уехал на собрание общества виноделов, а мальчики были заняты устройством спортивного клуба, поэтому никто не видел, как Мануэль и Бэк прошли через сад, отправляясь (так думал Бэк) на обыкновенную прогулку. И только один-единственный человек видел, как они пришли на маленький полустанок «Колледж-парк», где поезд останавливался по требованию. Человек этот потолковал о чем-то с Мануэлем, потом зазвенели деньги, переданные из рук в руки.

— Ты что же это, доставляешь товар без упаковки? — ворчливо заметил незнакомец, и Мануэль обвязал шею Бэка под ошейником сложенной вдвое толстой веревкой.

— Затянешь покрепче, так, чтобы у него дух перехватило, тогда не вырвется, — сказал Мануэль, а тот, чужой, в ответ что-то утвердительно промычал.

Бэк со спокойным достоинством позволил надеть себе на шею веревку. Правда, это было для него ново, но он привык доверять знакомым людям, признавая, что они умнее его. Однако, когда концы веревки оказались в руках чужого, он угрожающе заворчал. Он просто выражал недовольство, в гордости своей воображая, что это будет равносильно приказанию. К его удивлению, веревку вдруг стянули так туго, что он чуть не задохся. В мгновенном порыве бешенства он кинулся на обидчика, но тот опередил его: крепко сжал ему горло и ловким движением опрокинул на спину. Веревка безжалостно душила Бэка, но он, высунув язык, тяжело и шумно дыша всей могучей грудью, отчаянно боролся с человеком. Никогда еще никто так грубо не обращался с ним, и никогда в жизни он не был так разгневан! Однако силы скоро ему изменили, глаза остекленели, и он уже ничего не сознавал, когда подошел поезд и двое мужчин швырнули его в товарный вагон.

Очнувшись, он прежде всего смутно почувствовал боль в языке. Затем, ощутив тряску и услышав хриплый вой паровоза на переезде, Бэк понял, где находится. Он так часто путешествовал с судьей, что не мог не узнать ощущений, связанных с ездой в багажном вагоне. Он открыл глаза. В них пылал неукротимый гнев плененного короля. Похититель хотел схватить его за горло, но Бэк на этот раз оказался проворнее. Он вцепился зубами ему в руку, и челюсти его не размыкались, пока он опять не лишился чувств, придушенный веревкой.

— Припадочный он! — пояснил человек, пряча свою окровавленную руку от проводника, который заглянул

в вагон, услышав шум борьбы. — Хозяин приказал мне везти его в Фриско. Там есть какой-то первоклассный собачий доктор, который берется его вылечить.

События этой ночи похититель Бэка излагал позднее в задней комнатке портового кабака в Сан-Франциско со всем красноречием, на какое был способен.

— И всего-то навсего я получаю за это полсотни, — жаловался он. — Знал бы, так и за тысячу наличными не взялся бы!

Рука у него была обернута пропитанным кровью носовым платком, а правая штанина разодрана от колена до самого низу.

— А тот парень сколько взял за это дело? — поинтересовался кабатчик.

— Сотню. Ни за что не соглашался взять меньше!

— Итого, значит, сто пятьдесят, — сказал кабатчик. — А пес этих денег стоит, головой ручаюсь!

Похититель развернул платок и стал осматривать свою прокушенную руку.

— Только бы не оказался бешеный... А то еще помрешь...

— Не бойся, от этого не помрешь. Тебе на роду написано болтаться на виселице! — пошутил кабатчик. Потом добавил: — Ну-ка, подсоби мне немного, а потом потащишься дальше.

Ошеломленный, полузадушенный, страдая от нестерпимой боли в горле, Бэк все-таки пытался дать отпор своим мучителям. Но его каждый раз валили на пол и душили веревкой, пока не удалось распилить и снять с него массивный медный ошейник. После этого они сняли и веревку и втолкнули Бэка в решетчатый ящик, похожий на клетку.

В этой клетке он пролежал всю томительную ночь, распираемый гневом и оскорбленной гордостью. Он не мог понять, что все это значит. Чего им от него надо, этим

чужим людям? Зачем они заперли его в тесную клетку? Бэк недоумевал, его угнетало смутное предчувствие грозящей ему беды. Несколько раз он вскакивал, услышав грохот открываемой двери, — он надеялся, что это пришел судья или хотя бы мальчишки, но всякий раз видел перед собой только опухшую физиономию кабатчика, который заглядывал в сарай, освещая его неверным огоньком сальной свечи. И радостный лай, уже рвавшийся из глотки Бэка, переходил в свирепое рычание.

Впрочем, кабатчик его не трогал. И только утром пришли четверо мужчин и подняли ящик. «Вот еще новые мучители», — подумал Бэк, потому что это были какие-то подозрительные люди, лохматые и оборванные. И он бесновался, рычал на них сквозь решетчатую стенку. Но они только смеялись и тыкали его палками. Он хватал палки зубами, пока не сообразил, что именно этого от него и добиваются. Тогда он угрюмо лег и лежал спокойно, пока ящик переносили в фургон.

И вот Бэк в своей клетке начал переходить из рук в руки. Сначала им занялись служащие транспортной конторы, его погрузили в другой фургон и повезли дальше. Затем, вместе с целой грудой ящиков и посылок, отправили на паром. С парома он попал на большой железнодорожный вокзал; и наконец его опять водворили в товарный вагон.

Два дня и две ночи вагон тащился за пронзительно гудевшим паровозом. И два дня и две ночи Бэк ничего не ел и не пил. Взбешенный, он на заботы проводников отвечал рычанием, а они, в отместку, стали дразнить его. Когда он кидался к решетке, весь дрожа, с пеной у рта, они хохотали и потешались над ним, рычали и лаяли, как паршивые дворняги, мяукали, размахивали руками перед его носом и кукарекали. Бэк понимал, что это очень глупо, — но тем оскорбительнее это было для его достоинства, и гнев его рос и рос. Голод еще можно было терпеть, но он жестоко страдал от жажды, и она доводила его до исступления.

При его чувствительности и восприимчивости дурное обращение не могло не повлиять на него, и он заболел. У него была высокая температура, к этому прибавилось еще воспаление горла и языка, распухших и сожженных жаждой.

Одно его радовало: на шее больше не было веревки. Пока она была, это давало его врагам немалое преимущество. Ну, а теперь, когда ее нет, он им покажет! Больше им не удастся надеть на него веревку! Это он решил твердо. Двое суток он ничего не ел и не пил, и за эти двое суток мучений в нем накопилось столько злобы, что незавидная участь ожидала того, кто первый его заденет. Глаза у Бэка были налиты кровью, он превратился в настоящего дьявола. Сейчас сам судья не узнал бы его, так он переменялся за эти дни, и проводники вздохнули с облегчением, когда наконец избавились от него, выгрузив его в Сиэтле.

Четверо носильщиков со всякими предосторожностями перенесли ящик с Бэком из фургона во дворик, окруженный высоким забором. Навстречу вышел плотный мужчина в красном вязаном свитере с сильно растянутым воротом и, взяв у возчика книгу, расписался в получении. «Новый мучитель», — решил Бэк и свирепо кинулся к решетке. Человек в свитере, мрачно усмехнувшись, вошел в дом и принес оттуда топор и дубинку.

— Неужто хотите его выпустить? — удивился возчик.

— Конечно, — ответил человек в свитере и вогнал топор в стенку ящика.

Все четыре носильщика моментально бросились врассыпную и заняли безопасные позиции на высоком заборе в ожидании предстоящего интересного зрелища.

Бэк бросался на трещавшую под топором стенку, грыз ее зубами, налегал на нее всем телом, воюя с нею. Где топор ударял снаружи, там пес, то рыча, то воя, атаковал дерево изнутри. Он делал бешеные усилия поскорее выбраться из

клетки, а человек в красном свитере был полон спокойной решимости выпустить его оттуда.

— Ну, красноглазый дьявол! — сказал он, когда отверстие расширилось настолько, что Бэк мог протиснуться в него. И, бросив топор, взял в правую руку дубину.

Бэк в этот миг действительно был страшен, как дьявол: он весь ошетинился и подобрался для прыжка, в налитых кровью глазах был безумный блеск, изо рта бежала пена. Уже он готовился обрушиться на человека все сто сорок фунтов своего тела с яростью, дошедшей до предела, оттого что столько времени приходилось ее сдерживать. Он взвился в воздух и хотел мертвой хваткой вцепиться в своего врага, но в это самое мгновение получил такой удар, который на лету отбросил его назад. Щелкнув зубами от мучительной боли, Бэк перевернулся в воздухе и упал, ударившись о землю боком и спиной. Он ни разу в жизни не был бит палкой — и растерялся. С рычанием, в котором слышался жалобный визг, он вскочил и опять хотел кинуться на обидчика, но второй удар свалил его. Теперь он уже понимал, что виновата во всем дубинка, но в своей ярости забыл об осторожности. Раз десять он бросался — и всякий раз дубинка останавливала его на лету и валила наземь.

После одного особенно жестокого удара Бэк еле поднялся. Он был так ошеломлен, что не мог больше бороться. Он шатался, из носа, пасти и ушей текла кровь, и его красивая шерсть была испачкана кровавой слюной. Человек в красном свитере подошел к нему и хладнокровно, не спеша нанес ему страшный удар по морде. Вся боль, которую до сих пор перенес Бэк, была ничто в сравнении с этой. Зарывав, как лев, он опять кинулся на мучителя. Но тот, переложив дубину из правой руки в левую, спокойно схватил его за нижнюю челюсть и завертел им с такой силой, что Бэк описал полный круг в воздухе, потом полукруг — и грохнулся на землю головой и грудью.

Еще раз прыгнул Бэк на человека, но тот нанес ему сокрушительный удар, который умышленно приберег напоследок. Бэк свалился совершенно разбитый и оглушенный.

— Вот молодчина! — в восторге крикнул один из зрителей на заборе. — Этот любого пса усмирит!

— По-моему, безопаснее каждый день, а по воскресеньям и два раза взламывать кассы, чем иметь дело с этим псом, — заметил возчик, взбираясь на козлы, и погнал лошадей.

К Бэку вернулось сознание, но, совсем обессилев, он лежал на том же месте, где упал, и следил глазами за человеком в красном свитере.

— Отзывается на кличку «Бэк», — вслух сказал тот, читая письмо кабатчика из Сан-Франциско, извещавшее об отправке ящика с живым грузом. — Ну, Бэк, голубчик, — продолжал он весело, — пошумели мы с тобой, погорячились, а теперь лучше всего забудем об этом. Ты будешь знать свое дело, я — свое. Будешь послушной собакой — и все пойдет как по маслу, а вздумаешь буянить, так я из тебя дух вышибу. Понял?

Говоря это, он бесстрашно гладил голову, которую только что так беспощадно молотил, и хотя Бэк невольно ошетиניвался при каждом его прикосновении, но терпел, не протестуя. Человек в свитере принес ему воды, и он жадно напился, а потом с такой же жадностью глотал роскошное угощение — сырое мясо, хватая его кусок за куском из рук нового хозяина.

Он был побежден (он это понимал), но не покорен и не сломлен. Он понял раз навсегда, что человек, вооруженный дубиной, сильнее его, и полученный урок запомнил на всю жизнь. Эта дубина была для него откровением. Она ввела его в мир, где царит первобытный закон. И Бэк быстро усвоил этот закон. Ему открылась жестокая правда жизни, но она его не запугала: в нем уже пробуждалась природная звериная хитрость.

Время шло. Привозили других собак в таких же ящиках или приводили на веревке. Одни были очень послушны и тихи, другие бесновались и выли, как Бэк вначале. И на глазах у Бэка человек в красном свитере укрощал всех до единой, покоряя своей власти. Бэк наблюдал эту зверскую муштровку, и все крепче и крепче внедрялась в его сознание открытая им истина: человек с дубиной — законодатель, хозяин, которому нужно повиноваться, хотя и не обязательно любить его. И Бэк, повинуясь, никогда не ластился к хозяину, не вилял хвостом и не лизал ему руку, как это делали не раз у него на глазах побитые собаки. Видел он также, как одна собака, не желавшая ни смириться, ни подчиниться, в конце концов была убита.

Время от времени приходили чужие люди, толковали о чем-то с хозяином сердито или заискивающе. И когда после таких разговоров из их рук в руки хозяина переходили деньги, эти люди уводили с собой одну или несколько собак. Бэк задавал себе вопрос, куда же они уходят, ибо они никогда больше не возвращались. Будущее так сильно страшило его, что он каждый раз радовался, когда покупатели выбирали не его.

Но в конце концов наступил и его черед. Пугавшее его будущее явилось в лице высохшего, морщинистого человека, который говорил на ломаном английском языке и то и дело раздражался какими-то странными, резкими восклицаниями, смысл которых был непонятен Бэку.

— Sacredam!¹ — крикнул он, когда взгляд его упал на Бэка. — Вот это пес! Первокласный пес! Ото! А сколько?

— Всего три сотни. Просто даром отдаю, — быстро ответил человек в красном свитере. — Не станешь же ты торговаться да артачиться, Перро? Деньги ведь не твои, а казенные.

¹ Черт поberi! (Испорч. фр.)

Перро только ухмыльнулся. Ввиду необычайного спроса на собак, цены на них были бешеные, так что сумма, запрошенная за такую великолепную собаку, как Бэк, не показалась ему чрезмерной.

Канадское правительство не разорится на этой покупке, а его почта должна перевозиться быстро. Перро знал толк в собаках и с одного взгляда определил, что такие собаки, как Бэк, встречаются одна на тысячу. «Даже одна на десять тысяч», — мысленно поправил он себя.

Бэк видел, как деньги перешли из рук в руки, и не удивился, когда морщинистый человечек забрал с собой его и добродушного ньюфаундленда Кэрли. Больше Бэк никогда не видел человека в красном свитере. А когда он и Кэрли смотрели с палубы парохода «Нарвал» на исчезающий вдаль Сиэтл, они не знали, что больше никогда не увидят и теплый юг.

Перро увел их обоих вниз и передал темнокожему великану, которого звали Франсуа. У Перро, канадского француза, кожа была смуглая, но у Франсуа вдвое темнее, потому что Франсуа был метис. Бэк впервые видел людей этой породы (впоследствии ему пришлось встречать много таких), и, хотя он не полюбил их, он честно отдавал им должное и научился их уважать. Он скоро убедился, что Перро и Франсуа — люди справедливые, спокойные, что наказывают они только за дело, без всякого пристрастия, и отлично знают все собачьи повадки, так что их никакая собака не проведет.

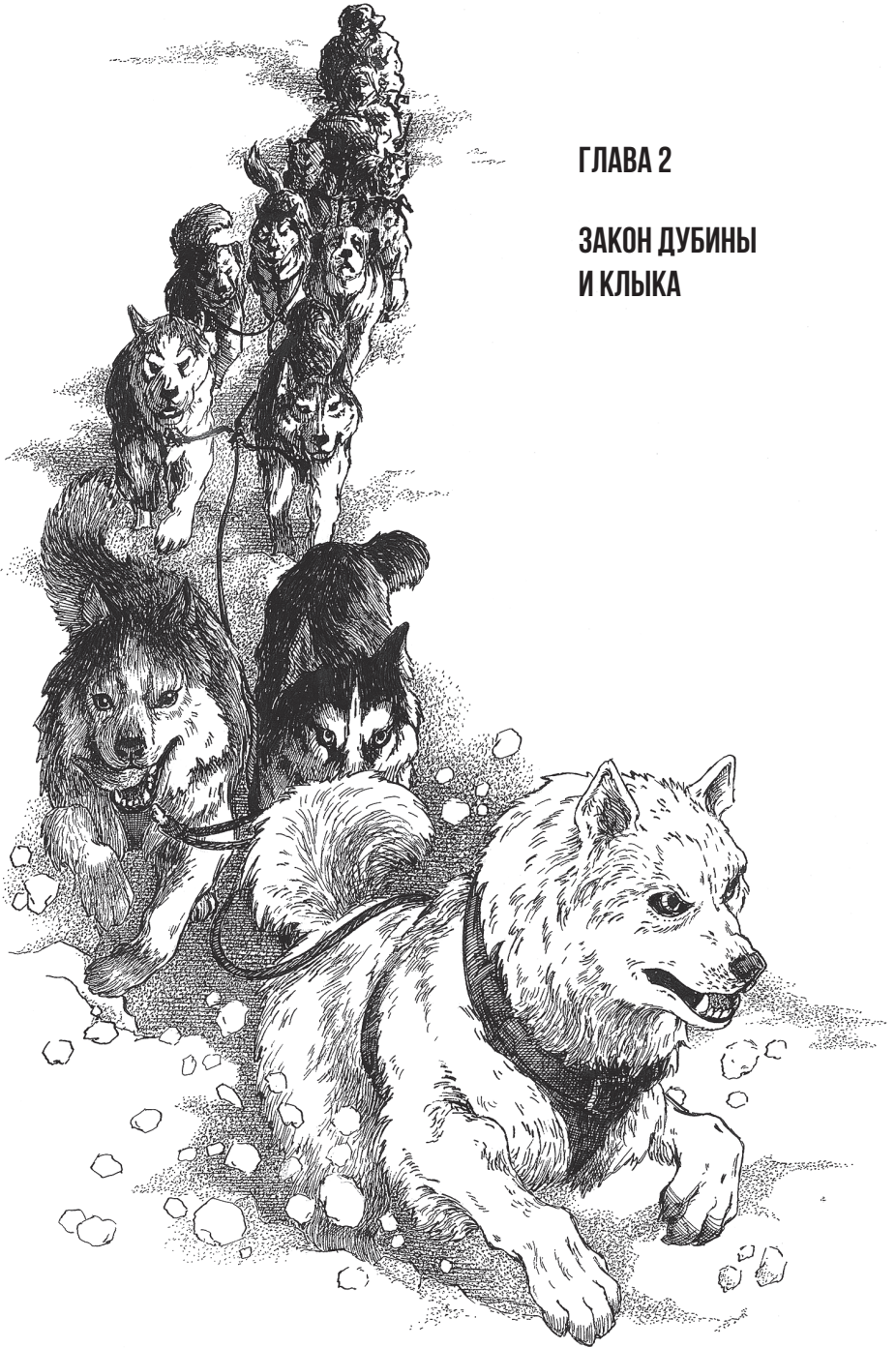
На пароходе Бэка и Кэрли поместили вместе с двумя другими собаками. Одна была большая, снежно-белая, ее вывез с острова Шпицбергена капитан китобойного судна, а позднее она сопровождала геологическую экспедицию в Бесплодную Землю. Это был пес очень ласковый, но коварный, он способен был ластился и в то же время готовить другому какую-нибудь пакость: так он при первой же общей кормежке стянул у Бэка часть его порции. Бэк

кинулся на него, чтобы наказать за это, но Франсуа опередил его: бич свистнул в воздухе и обрушился на вора. Бэку оставалось только подобрать свою кость.

Он увидел, что Франсуа поступает справедливо, и с этих пор проникся уважением к метису.

Другой пес не ластился ни к кому и не вызывал ни в ком симпатии, но зато и не делал попыток воровать еду у новичков. Он был сурового, угрюмого нрава и ясно дал понять Кэрли, что желает только одного: чтобы его не задевали, а кто его заденет, тому плохо придется. Этот пес — его звали Дэйв — только ел и спал, а когда не спал, то все позевывал, и ничто решительно его не интересовало. Даже когда «Нарвал» проходил залив Королевы Шарлотты и качался, вставал на дыбы, метался, как бешеный, а Бэк и Кэрли чуть с ума не сошли от страха, Дэйв только с недовольным видом поднимал иногда голову и, едва удостоив их равнодушным взглядом, зевал, потом снова засыпал.

Дни и ночи пароход весь дрожал, сотрясаемый неутомимой и ритмичной, как пульс, работой винта. Один день был похож на другой, но Бэк замечал, что становится все холоднее. Наконец однажды утром стук винта затих, и на «Нарвале» поднялась суета. Бэк, как и другие собаки, почувял царившее вокруг волнение и понял, что предстоит какая-то перемена. Франсуа взял их всех на сворку и вывел на палубу. Ступив на ее холодную поверхность, Бэк почувствовал, что его лапы погрузились в какую-то кашу, очень похожую на белую грязь. Он зафыркал и отскочил назад. Такая же белая каша падала сверху. Бэк отряхнулся, но она все сыпалась и сыпалась на него. Он с любопытством понюхал ее, потом лизнул языком. Она обжигала, как огонь, и сразу таяла на языке. Это поразило Бэка, он лизнул опять — с тем же результатом. Вокруг загоготали, и ему почему-то стало стыдно, хотя он не понимал, над чем эти люди смеются. Так Бэк впервые увидел снег.

ГЛАВА 2

ЗАКОН ДУБИНЫ И КЛЫКА

Первый день на берегу в Дайе показался Бэку жутким кошмаром. Здесь беспрестанно что-нибудь поражало и пугало. Его внезапно из центра цивилизации переброшили в какой-то первобытный мир. Окончилось блаженное и ленивое существование под солнцем юга, когда он только слонялся без дела и скучал. Здесь не было ни отдыха, ни покоя, и ни на миг Бэк не чувствовал себя в безопасности. Здесь все было в движении и действии, царила вечная сумятица, и каждую минуту грозило увечье или смерть. В этом новом мире следовало постоянно быть начеку, потому что и собаки и люди совсем не были похожи на городских собак и людей. Все они были дикари и не знали других законов, кроме закона дубины и клыка.

Никогда раньше Бэк не видел, чтобы собаки дрались между собой так, как здешние: это были настоящие волки, и первый же опыт послужил Бэку незабываемым уроком. Правда, в первой драке он не участвовал, иначе он не вышел бы из нее живым и не пришлось бы ему воспользоваться этим уроком. Жертвой пал не он, а Кэрли.

Их обоих оставили около бревенчатой хижины, где помещалась лавка. Кэрли добродушно, как всегда, стала заигрывать с рослым и сильным псом, который был величиной с крупного волка, но все же вдвое меньше Кэрли. И вдруг, без всякого предупреждения, — быстрый, как молния, скачок, щелканье зубов, похожее на лязг железа, столь же быстрый обратный прыжок — и морда у Кэрли оказалась разодранной от глаз до пасти.

Такая была у этих собак волчья повадка — напасть и тотчас отскочить. Но этим дело не кончилось. Тотчас примчались тридцать, а то и сорок лаек и окружили дерущихся безмолвным и настороженным кольцом. Бэк